

Я вожусь с лоскутным одеялом, сидя в кухне ярким июльским полуднем, квадратики ткани, подушечка для булавок и ножницы — на столе рядом, и тут до меня долетает рокот автомобильного мотора. Выглянув в окно, смотрящее на бухту, вижу, как на поле в сотне ярдов от дома сворачивает фургон. Мотор глушат, пассажирская дверца распаивается, выходит Бетси Джеймз, смеется, что-то кричит. Мы не виделись с прошлого лета. На ней белая кофточка с ляжкой-хомутом, полотняные шорты, на шее — красная косынка. Я смотрю, как Бетси приближается к дому, и изумляюсь, до чего иначе она выглядит. Милое округлое лицо исхудало, вытянулось; каштановые волосы отросли до самых плеч, глаза темные, сияют. Красный мазок губной помады. Вспоминаю ее девятилетней, когда она впервые пришла в гости, как сидела позади меня на крыльце, маленькие, проворные пальчики заплетали мне волосы. И вот уж ей семнадцать — и она вдруг женщина.

— Здравсьте, Кристина, — говорит она у сетчатой двери, запыхавшись. — Давно не виделись!

— Заходи, — отзываюсь я со своего кресла. — Ничего, если я встать не буду?

— Конечно, ничего. — Она заходит в дом, и в комнате вдруг пахнет розами. (Когда это Бетси начала душиться?) Подскакивает к моему креслу, обнимает меня за плечи. — Мы приехали несколько дней назад. Как же я рада, что мы снова здесь.

— Судя по тебе, так и есть.

Она улыбается, на щеках — всплески румянца.

— Как у вас с Алом дела?

— Ой, ну ты сама знаешь. В порядке. Как всегда.

— Как всегда — это хорошо, да?

Улыбаюсь. Разумеется. “Как всегда” — это хорошо.

— А что вы делаете?

— Да мелочь. Детское одеяльце. Лора опять беременна.

— Какая вы щедрая тетушка. — Она протягивает руку, берет квадратик ткани — кусочек ситца, розовые цветы с зелеными листьями на буром фоне. — Узнаю эту ткань.

— Разрезала старое платье.

— Помню его. Белые пуговики, юбка в пол, да?

Вспоминаю, как мама привезла баттериковские выкройки*, переливчатые пуговицы и ситец. Вспоми-

* Эбенизер Баттерик (1826–1903) — американский портной, изобретатель и предприниматель в сфере моды; Баттерик и его супруга Эллен Огаста Поллард Баттерик считаются изобретателями выкроек на кальке, предложенных в разных размерах; выпуск изданий с выкройками начался в 1863 г. и революционизировал домашнее шитье. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

наю, как Уолтон впервые увидел меня в этом платье. “Я тобою заморожен”.

— Давно дело было.

— Ну хорошо же, что старому платью подарят новую жизнь. — Она бережно укладывает квадратик обратно на стол, перебирает остальные: белый муслин, темно-синий хлопок, шамбре, слегка замаранное чернилами. — Ух ты, сколько клочков и кусочков! Настоящую семейную реликвию создаете.

— Ну не знаю, — говорю я. — Просто обрезки, да и всё.

— Курочка по зернышку... — Она смеется и выглядывает в окно. — Совсем забыла! Заскочила за чашкой воды, если вы не против.

— Садись, дам тебе стакан.

— Ой, это не мне. — Она показывает на фургон в поле. — Мой друг хочет написать ваш дом, но ему вода для этого нужна.

Прищурившись, смотрю на автомобиль. На крыше сидит юноша, глядит в небо. У него здоровенный блокнот в одной руке, а в другой вроде бы карандаш.

— Это сын Эн-Си Уайета*, — говорит Бетси театральным шепотом, будто кто-то может подслушать.

— Чей?

— Вы же знаете Эн-Си Уайета. Знаменитого иллюстратора? “Остров сокровищ”?

* Newell Convers (Ньюэлл Конверз Уайет, 1882–1945); так привычно именуют в англоязычном мире Уайета-старшего, американского художника и иллюстратора. Один из самых знаменитых его проектов — иллюстрации к “Острову сокровищ” Р. Л. Стивенсона (издание 1911 г.).

А, “Остров сокровищ”.

— Ал обожал ту книгу. Кажется, она у нас еще есть где-то.

— Думаю, у любого мальчика в Америке она где-то есть. Короче, его сын — тоже художник. Мы с ним сегодня познакомились.

— Вы с ним сегодня познакомились, а ты уже разъезжаешь с ним на его машине?

— Да, он... не знаю. Кажется, ему можно доверять.

— Твои родители не против?

— Они не знают. — Робко улыбается. — Он появился в доме нынче утром, искал моего отца, но родители уехали кататься под парусом. Я открыла дверь. Ну и вот.

— Такое иногда случается, — говорю я. — Он откуда?

— Из Пенсильвании. У его семьи тут летний дом, в Порт-Клайде.

— Ты, похоже, ужас сколько про него знаешь, — говорю я, вскидывая бровь.

Она вскидывает бровь в ответ.

— Собираюсь узнать еще больше.

Бетси забирает чашку с водой и возвращается к фургону. По тому, как она идет — плечи расправлены, подбородок вперед, — понятно, что она знает: он за ней наблюдает. И ей это нравится. Вручает юноше чашку и забирается к нему на крышу фургона.

— Кто это был? — У черного хода стоит мой брат Ал, вытирает руки о ветошь. Никогда я не могу учуять его появление: тихий, как лис.

— Бетси. И какой-то юнец. Пишет картину с нашего дома, по ее словам.

— С чего бы это?

Я пожимаю плечами.

— Люди, они странные.

— Это уж точно.

Ал устраивается в кресле-качалке, достает трубку и табак. Принимается набивать да прикуривать, мы оба шпионим за Бетси и юнцом — подглядываем в окно, однако стараемся делать вид, что ничего такого не делаем.

Чуть погодя юноша слезает с крыши, кладет блокнот на капот автомобиля. Подает Бетси руку, та съезжает сверху прямо к нему в объятия. Даже с такого расстояния я чувствую жар меж ними. Они стоят рядом, разговаривают с минуту, а затем Бетси тянет его за руку, следом за собой... о господи, она тащит его в дом. У меня мгновенная паника: пол не метен, платье у меня испачкано, волосы нечесаны. У Ала комбинезон заляпан грязью. Давно я не тревожилась, что меня увидят глаза чужака. Впрочем, пока парочка идет к дому, я замечаю, что юноша смотрит на Бетси, и понимаю, что волноваться не о чем. Он видит лишь ее одну.

Вот уж он у сетчатой двери, на пороге. Стройный, улыбочивый, весь трепещет пылом, занимает собой весь дверной проем.

— Какой чудесный дом, — бормочет он, открывая дверь, вытягивает шею, чтобы оглядеть комнату. — Свет здесь невероятный.

— Кристина, Алвэро, это Эндрю, — говорит Бетси, входя следом за ним.

Он склоняет голову.

— Надеюсь, это ничего, что я вламываюсь без приглашения. Бетси божилась, что ничего.

— Мы тут не церемонимся, — говорит мой брат. — Я Ал.

— Я с такими людьми душа в душу. И зовите меня Энди, прошу вас.

— Ну а я — Кристина, — говорю я.

— Я зову ее Кристи, но больше никто, — добавляет Ал.

— Значит, Кристина, — говорит Энди, вглядываясь в меня. В этом взгляде я не чувю никакого суждения, лишь некое антропологическое любопытство. И все же от его пристального внимания краснею.

Поспешно обращаюсь к Алу:

— Помнишь ту книгу, “Остров сокровищ”? Бетси говорит, это его отец рисовал для нее картинки.

— Правда? — Лицо у Ала светлеет. — Такие картинки никак не забыть. Я ту книгу читал, может, раз десять. Кто его знает, только эту книгу и дочитал-то вообще, наверное, если подумать. Хотел быть пиратом.

Энди расплывается в улыбке. Зубы у него крупные, белые, как у кинозвезды.

— Я тоже. До сих пор, на самом деле.

У Бетси в руках — громадный альбом. Гордая, как новоиспеченная мать, подносит его мне.

— Посмотрите, что у Энди получилось, Кристина, — за такое короткое время.

Бумага все еще сырая. Смелыми мазками Энди свел дом к белому ящичку с двумя щипцами, обращенными к морю. Поля вокруг — зеленые и желтые, там и сям щетинятся остриями травы. Почти черные ели, лиловая

ширь гор, водянистые облака. Хотя эту акварель рисовали быстро — есть в мазках движение, словно на них дует ветер, — мальчик явно понимает, что делает. Окна — лишь намек, но возникает странное чувство, что в них что-то видно. Дом словно врос в землю.

— Это всего лишь набросок, — говорит Энди, подходя ближе ко мне. — Я еще доработаю.

— С виду — приятное место для житья, — говорю я. Дом гнездится укромно, уютно — сказочная версия того, в котором на самом деле живем мы с Алом, единственный намек на упадок — пятна синего и бурого.

Энди смеется.

— Это вы мне расскажите. — Ведет двумя пальцами по бумаге, поясняет: — Такие чистые линии. Есть в этом доме что-то... Вы давно здесь живете?

Киваю.

— Я чую. Что в этом доме битком историй. Я б лет сто его писал, как пить дать, и не надоело бы нисколько.

— О, надоело бы, — сказал Ал.

Мы все смеемся.

Энди хлопает в ладоши.

— Слушайте, знаете что? У меня сегодня день рождения.

— Правда? — говорит Бетси. — А ты мне не сказал. Он обнимает ее и притягивает к себе.

— Не сказал? У меня такое чувство, будто ты уже и так все обо мне знаешь.

— Пока нет.

— Сколько вам лет? — спрашиваю я.

— Двадцать два.